

Роберту Майлсу
Зрелость венчает всё

Содержание

Предисловие	9
Пролог	15
Глава 1. Становление Ирены Сендлер	22
Глава 2. Девочки доктора Радлиньской	41
Глава 3. Стены позора	66
Глава 4. Молодежный кружок	88
Глава 5. Вспоминая доктора Корчака	101
Глава 6. Грузовик из гетто	114
Глава 7. Дорога в Трешлинку	133
Глава 8. Добрая фея Умшлагплац	151
Глава 9. Последняя миля	170
Глава 10. Агенты Сопротивления	184
Глава 11. «Жегота»	199
Глава 12. Шаги к пропасти	221

Глава 13. Восстание Алы	240
Глава 14. Аллея Шука	257
Глава 15. Казнь Ирены	276
Глава 16. Варшава сражается	292
Глава 17. Как закончилась эта история	304
Кода: Исчезающая история Ирены Сендлер, 1946–2008 годы	310
Примечания	316
Послесловие: комментарий автора к «Детям Ирены»	348
Благодарности	353
Список действующих лиц	356
Библиография	365

Предисловие

Краков, 2009 год

Когда я впервые оказалась в Польше где-то в 2009 году, сначала мне показалось, что это будет просто отпуск. Мои брат и невестка, работающие в государственном департаменте США, находились в Кракове уже несколько лет, а до того какое-то время жили во Вроцлаве. Они стали свидетелями интеграции Польши в Европейский союз и ее быстрой трансформации из посткоммунистического государства в современную, быстроразвивающуюся страну. Двое их маленьких детей — близняшки и уже не совсем малыши — учили свои первые слова на польском, а моя невестка была директором международной школы, расположенной за городом.

Хотя никто из нас троих, как мне кажется, никогда не испытывал особого интереса к религии, формально мы выросли католиками. Поскольку Краков, в отличие от Варшавы, практически не бомбили, он почти полностью уцелел к концу Второй мировой войны; его католическое наследие и сейчас заметно повсюду в архитектуре Старого города. Это город прекрасный и до сих пор в некоторой степени средневековый. Но не многие его районы обладают такой атмосферой, как исторический еврейский квартал в Казимеже, куда туристы совершают паломничество, чтобы увидеть фабрику Оскара Шиндлера и петляющие улочки, где снимали эпизоды «*Списка Шиндлера*» Стивена Спилберга.

Если же вы хотите представить себе, как в 1940-е годы выглядело варшавское гетто, в Варшаву ехать смысла нет. От гетто там осталось немного. Весной 1943-го его разрушили, а чуть больше года спустя, во время Варшавского восстания, с лица земли была стерта оставшая часть города и стоять осталось лишь процентов десять зданий. После войны Варшава, по сути, была отстроена заново. Это современный город.

В тот год, когда я здесь гостила, капитальный проект устройства школы находился уже в завершающей стадии своего воплощения, кампус был достроен и окружен оградой. Моя невестка занималась в основном, как она шутила, тем, что ругала на чем свет стоит местных рабочих, накопив богатый запас не слишком цензурных польских выражений. Выделенная под школу земля до того долгое время использовалась как сельскохозяйственные угодья. С одного ее края, сначала — среди полей, а позднее — меж рассеянных тут и там загородных домиков, сохранился небольшой лесок. Стоя однажды вместе с невесткой у края этой рощицы, я небрежно спросила, кто владел этим лесом и почему его десятилетиями никто не трогал. Помолчав, невестка вздохнула и ответила: «Знаешь, здесь, неподалеку проходили поезда в Освенцим. Не прямо тут, конечно, но в этом районе».

В лесу не было ничего особенного, парк как парк, и сначала моя невестка, по ее словам, просто привыкла гулять здесь. Но первого ноября, в канун Дня всех святых, в Польше принято зажигать свечи на могилах. И в этот первый школьный праздник, глядя на усеянную зажженными свечами обочину дороги, окаймляющей лес, сестра поняла, что здесь когда-то происходили страшные события.

Позднее местные рассказали ей, что в 1945 году, в самом конце войны, Красная Армия преследовала

отступающих немцев. Однако Польше приход советских войск особой радости не принес. Лишь немногие женщины в Кракове — от школьниц до самых древних *babcia* — избежали изнасилования. И очень немногие немцы, столкнувшиеся с советскими войсками, сумели вернуться через границу в Германию. По всей Польше были тысячи мест, подобных этому. В коммунистические времена никто не отваживался зажигать в лесу свечи, но теперь все изменилось. Еще живы старики и особенно старушки, которые обо всем помнили. «Такое здесь повсюду», — с грустью говорила мне невестка. «Вся Польша — одна огромная, безымянная могила, и что ты еще можешь сделать, кроме как тихо похоронить прошлое?»

Мы вернулись в школу, где по коридорам разносились веселые детские голоса. Я думала о случившихся здесь смертях; о рельсах, ведущих в Освенцим; историях об отнятых у матерей младенцах, чьи головы разбивали о кирпичные стены. Я подумала о моих маленьких племяннике и племяннице и о том, что убила бы всякого, кто сделал бы такое с моими детьми. Несколько дней спустя брат спросил меня, не хотела бы я увидеть Освенцим, но я отказалась.

Через несколько лет моя невестка стала одной из первых, кто рассказал мне историю «польского Шиндлера», Ирены Сендлер — или, на польском, где женские фамилии снабжены особыми окончаниями, Ирены Сендлеровой. Разделенные временем и странством, эти две беседы тем не менее положили начало этой книге. Я никогда не могла отделить друг от друга нити, связывающие историю Ирены Сендлер, с заброшенной польской землей и веселыми голосами детей. Как писатель я даже перестала пытаться это сделать.

Сегодня в своей родной Польше Ирена Сендлер — настоящая героиня, хотя и с относительно недавнего времени. Ее история, как и многие подобные истории, оказалась в Польше похоронена на десятилетия. Вместе со своими друзьями и группой преданных соратников Ирена Сендлер пронесла детей из варшавского гетто в чемоданах и деревянных ящиках мимо немецкой охраны и предателей из еврейской полиции. Она выводила детей через грязную, наполненную опасностями городскую канализацию. Она работала вместе с еврейскими подростками — часто девочками четырнадцати-пятнадцати лет. Позже многие из них храбро сражались и погибли во время восстания в гетто. И через все это она пронесла любовь к мужчине-еврею, которому она и ее друзья всю войну помогали скрываться. Она была поистине нестигаемым человеком, хотя внешне казалась всем маленькой и хрупкой. В самом начале войны ей не было и тридцати, но сражалась она с пылом и находчивостью опытного генерала, превратив множество обычных людей, прежде разделенных религией и национальностью, в преданных солдат.

До того как ее арестовало и подвергло пыткам гестапо, Ирене Сендлер удалось спасти жизнь более чем двум тысячам еврейских детей. Постоянно рискуя своей жизнью, она вела список их имен, чтобы после войны родители смогли их найти. Конечно, она не могла знать, что около девяноста процентов их семей погибли, большинство — в газовых камерах Трешлинки. Она, разделяя социалистические и леворадикальные идеи, ставшие ее жизненными ценностями, также не могла представить, что после войны ее дети станут жертвами советского коммунистического режима из-за ее действий во время войны.

Но притом что Ирена Сендлер безусловно является героиней — женщиной немыслимого морального духа

и неимоверной смелости, — она не была святой. Сделать Ирину святой, рассказывая историю о ней, значит упростить ее противоречивую человеческую натуру. Всякий раз во время моих исследований и интервью в Израиле и особенно в Польше те, кто пережил войну в Варшаве, говорили мне одно и то же: «Я не люблю обсуждать то время с кем-то, кто не жил тогда, поскольку они не поймут, в каких условиях людям приходилось принимать решения и какую цену приходилось платить за них». Любовь Ирины к жизни была безудержной и неуправляемой, и она всегда боролась с осознанием того, что была неважной женой и не самой лучшей дочерью. Она оставила свою больную, немощную мать в серьезной опасности, скрывая от нее риск, которому подвергала их обеих. Она была отчаянной, подчас близорукой, ставила абстрактное выше конкретного, будучи иногда невероятно эгоистичной в своем альтруизме. Когда пришло время, она стала такой же рассеянной матерью. Ирина Сендлер одновременно была героиней — хотя она ненавидела это слово — и обычным человеком со своими недостатками. Но также она была наделена столь мощным ощущением цели и собственной правоты, что могла убеждать на собственном примере тех, кто был вокруг нее, вместе делая нечто достойное и смелое, становиться лучше, чем они стали бы в иных обстоятельствах.

В процессе написания этой книги я была вдохновлена храбростью также и тех «других»: людей, мужчин и женщин, но в основном женщин, которые помогали Ирине. Она говорила, что на каждого спасенного ребенка в Варшаве приходится десять человек, рискующих ради него своей жизнью. Без смелости и самопожертвования тех, кто присоединился к ней, успех был бы невозможен. Но участь помогавших ей в случае раскрытия была незавидной. Наказание уличенным

в помощи евреям начиналось с того, что на их глазах казнили всю семью, начиная с их детей. Вряд ли нужно описывать всякому, кто любит детей, страдания от осознания хрупкости их жизни, а у подавляющего большинства тех, кто помогал Ирине, были маленькие дети. Хотя ни один из них — а их было множество — ни разу не уклонился от помощи Ирине в ее миссии. Никто, однажды заметила Ирена, не отказался принять к себе еврейского ребенка.

Это история Ирены Сендлер, детей, которых она спасла, и тех, отважных «других», кто помогал ей в этом. Также это сложная, подчас мрачная, но захватывающая история польского народа. Если вам покажется, что в начале этой книги слишком много имен, учтите, что я рассказываю лишь о малой части тех, кто помогал Ирине. Но с каждой главой имен, к сожалению, будет оставаться все меньше. Я рассказываю здесь их историю, чтобы отдать небольшую дань уважения каждому. Их жизнь, а иногда и смерть показывают, на что способны мы, обычные люди, перед лицом зла и насилия.

Пролог

Варшава, 21 октября 1943 года

Аллея Шуха. Ирена знала, куда они едут. Дверь захлопнулась, и черный тюремный автомобиль заурчал, готовый тронуться. На то, чтобы одеться, ей дали всего пару минут, и ее светлые, подстриженные «бобом» волосы были взлохмачены от подушки.

Янка Грабовская, выбежав из дома в последний момент, не обращая внимания на исходящую от солдат опасность, успела пихнуть ей туфли. Однако Ирена даже не подумала их зашнуровать. Она была сосредоточена на одной мысли: нужно оставаться спокойной. Никаких печальных лиц. Так наставляли еврейские матери своих детей, отдавая их на попечение незнакомцев. Ирена хоть и не была еврейкой, но отлично знала, что наставления эти были верны.

Они не должны думать, что у меня есть хоть какая-то причина бояться. Они не должны подумать, что я боюсь. Ирена безмолвно твердила это про себя. Если они заподозрят, что она чего-то боится, что-то скрывает, это сделает грядущее испытание еще более тяжелым.

Но Ирена и *вправду* боялась. Очень боялась. Осенью 1943 года в оккупированной Польше не было слов страшнее, чем «аллея Шуха». Быть может, во всей Европе военного времени не было слов страшнее. Здесь находилась штаб-квартира варшавского гестапо. Своим грубым и мрачным обликом это серое приземистое зда-